

Islam in Asian and African Countries Ислам в странах Азии и Африки

DOI [10.31162/2618-9569-2018-11-4-771-780](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-4-771-780)
УДК 93/94

Original Paper
Оригинальная статья

Смерть, спасшая Поднебесную, или Последний поход «Железного хромца»

А. Ш. Кадырбаев^{1, 2}

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0511-1095>, e-mail: kadyr_50@mail.ru

Резюме: статья посвящена описанию и анализу событий начала XIV столетия, когда владыка Самарканда, создатель мировой империи эмир Тимур, известный в Европе под именем Тамерлан, или Тимурленг, – «Железный хромец», предпринял поход на «Поднебесную» – китайскую империю Мин, которую спасла только внезапная смерть Тимура в самом начале этого похода.

Ключевые слова: Восточный Туркестан; «Железный хромец»; Евразия; империя Мин; Китай; Мавераннахр; моголы; Поднебесная; Центральная Азия; чагатаи

Для цитирования: Кадырбаев А. Ш. Смерть, спасшая «Поднебесную», или последний поход «Железного хромца». *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(4):771–780. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-4-771-780](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-4-771-780).

The Death, which saved the Heavenly Empire, or the “Iron Lame’s” last campaign

Alexander Sh. Kadyrbayev^{1, 2}

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0511-1095>, e-mail: kadyr_50@mail.ru

Abstract: The article deals with the events of the 14th cent., when the Ruler of Samarqand, Timur Leng started a military campaign against Chinese Empire (under the Ming Dynasty). The Empire was saved from conquest by the death of the “Iron Lame”.

Keywords: Asia, Central; Dynasty Ming; history Chagatay; Maverannahr, Empire, Chinese; Tamerlan; Turkestan, West

For citation: Kadyrbayev A. Sh. The Death, which saved the Heavenly Empire, or the “Iron Lame’s” last campaign. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(4):771–780. (In Russ.) DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-4-771-780](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-4-771-780).

Введение

Когда китайская империя, именовавшая себя «Поднебесной», в которой с 1368 г. правила династия Мин, установила регулярные отношения с Сиюй – «Западным краем», этот обширный регион не представлял собой политическое, экономического и культурного целого. Он простирался от Мавераннахра – территории Центральной Азии между реками Амударьей и Сырдарьей – до Восточного Туркестана – земель к востоку от Мавераннахра, ныне именуемых в Китае Синьцзян, и переживал период постоянных политических и экономических трансформаций [1, цз. 329]. С приходом к власти в Китае национальной династии Мин связи Поднебесной со странами Центральной Азии, лежащими к западу от нее, постепенно ослабели; мало-помалу международная торговля, осуществлявшаяся в этом регионе по Великому шелковому пути, приходила в упадок. Мавераннахр же к этому времени сделался ядром могущественной империи с центром в Самарканде, созданной к концу XIV в. мусульманским завоевателем, эмиром Тимуром, выходящем из отюреченного монгольского племени барласов, известным также под именем Тамерлан – «Железный хромец». Этот властитель объявил себя наследником империи Чингисхана на руинах Улуса Чагатаидов – государства, созданного потомками Чингисхана от его второго сына Чагатая.

Первый этап взаимоотношений империи Тимура и Китая

Держава Тимура представляла реальную угрозу для империи Мин уже в ранний период ее истории. Однако Чжу Юаньчжан, основатель этой династии, при известии о приготовлениях эмира Тимура к походу на Китай воздержался от экстренных мер по укреплению обороны страны, что может показаться удивительным, если не принимать во внимание особенности международной обстановки того времени. Первый минский император учитывал, что военные приготовления Тимура были, прежде всего, нацелены на завоевание соседствующих с Мавераннахром территорий, и непосредственной необходимости принимать оборонительные меры пока не видел.

На этом, первом, этапе отношения между империями Тимура и Мин протекали достаточно мирно и выражались в обмене посольствами и установлении торговых связей. Сведения об отношениях эмира Тимура с императором Чжу Юаньчжаном содержатся в китайском историческом источнике «Мин ши» («Истории династии Мин») [2, р. 258–261]. В 1387 г. в Китай прибыло посольство Тимура во главе с *мауляной*¹ Хафизом, представленное китайцами как прибывшее с «данью» ко двору императора Китая. «Данью» являлись 15 коней и два верблюда. Коня и верблюда после этого присылались в виде «дани» ежегодно. В 1392 г. в Китай из Самарканда прибыло очередное посольство

¹ *Мауляна* (араб. مولانا – покровитель, защитник) – распространенный в Центральной и Южной Азии исламский религиозный титул.

с «данью» в виде кусков материи, а при возвращении его из Китая с ним были отправлены в Самарканд более 1200 мусульман из провинции Ганьсу, поселившихся там еще при монгольском владычестве. Династия Мин проводила политику притеснения мусульман и даже вытеснения их с территории Поднебесной. В 1394 г. эмир Тимур прислал в Китай 200 коней, при этом хроника сохранила текст грамоты Тимура на имя минского императора в китайском переводе и упомянула, что тот «одобрил стиль» грамоты. Иногда количество присланных коней доходило до 1000 [2, р. 271]. В ответ китайский император посылал эмиру драгоценные камни и бумажные деньги, которые, скорее всего, тратились посольством Тимура еще в Китае [3, с. 68–71, 117–118]. Посол испанского короля Руи Гонсалес де Клавихо, очевидец этих событий, сообщает о возобновлении торговых связей империи Тимура с минским Китаем: «Этот город (Самарканд. – А. К.) изобилен разными товарами, которые стекаются в него из разных стран: ...из Катая (Китай. – А. К.) – шелковые ткани, которые лучше всего делаются в этой стране, особенно атласы, о которых говорят, что они лучшие в мире, а самые ценные те, что без узоров. Кроме того, привозят мускус, которого нет нигде в мире, кроме как в Катае. Еще [привозят] рубины и бриллианты, так что большая часть их, что имеется в этой стране, привозится оттуда; жемчуг и ремень и много разных пряностей. А то, что привозится в этот город из Катая, самое лучшее и дорогое [по сравнению с тем], что прибывает из других стран» [4, с. 139].

В 1395 г. ко двору эмира Тимура в Самарканде прибыло первое китайское посольство во главе с Ань Чжидао и Го Цзи, которое было принято только в конце 1397 г. во время зимовки владыки Самарканда на Сырдарье. Почему же Тимур столь долго отказывался дать аудиенцию посольству Китая, с которым, казалось бы, налицо были хорошие отношения и куда он сам регулярно отправлял послов с дарами? Владыка Самарканда гневался, потому что неожиданно узнал, что он, оказывается, является «данником» минского императора Тайцзу (он же Чжу Юаньчжан. – А. К.), что произошло из-за случайно допущенного буквального перевода китайской официальной грамоты с требованием дани [5, р. 209]. Известно в связи с этим о задержании Тимуром члена минского посольства Фу Аня при своем дворе в качестве заложника с 1395 по 1404 г., о высокомерном отношении самаркандского правителя к китайским послам и даже брани, которую Тимур позволял себе в их адрес на официальных приемах. Скорее всего, поводов для гнева в отношении посольства Китая у Тимура было достаточно. Вот что сообщает по этому поводу Иоганн Шильтбергер, баварский солдат, попавший в плен к мусульманам и побывавший во многих их странах: «...Великий хан, король китайский, отправил Тамерлану посла со свитой в 400 всадников, чтобы потребовать у него выплаты дани», которую, по мнению китайского императора, «он (Тимур. – А. К.) задолжал хану за пять лет. Тамерлан взял посла с собой в Самарканд и отправил его оттуда с ответом, что он считает хана (китайского императора. – А. К.)

не верховным владетелем, а своим данником, которого он лично посетит. После этого он приказал известить всех своих подданных, чтобы они готовились к походу на Китай...» [6, с. 29].

Похожие сведения сообщает по этому поводу и посол короля Кастилии Руи Гонсалес де Клавихо, находившийся тогда в Самарканде: «Прибыли к нему (эмиру Тимуру. – А. К.) посланники от катаяского (китайского. – А. К.) императора сказать, что он должен платить ежегодную дань и что уже прошло семь лет как он не платил, и не угодно ли ему внести [плату]... Он (Тимур. – А. К.)... [совсем] не имел намерения платить» [4, с. 140]. Ход церемонии приема Тимуром иностранных послов продемонстрировал его крайне пренебрежительное отношение к империи Мин. «Когда сеньор (эмир Тимур. – А. К.) увидел, что испанские посланники сидят ниже посла катаяского (китайского. – А. К.) сеньора (правителя. – А. К.), он приказал, чтобы они [сели] выше, а тот ниже их. И как только их рассадили, появился один из царских мирасс (придворных. – А. К.) и сказал катаяскому послу, что сеньор (эмир Тимур. – А. К.) приказал, чтобы послы короля Испании, его сына, и прочие сидели выше его (посла Китая. – А. К.), а он (посол императора Мин. – А. К.), посланник разбойника, бесчестного человека и врага, чтобы сидел ниже их, что, если Богу будет угодно, он скоро его повесит, чтобы в будущем не смел объявляться с таким [намерением]» [4, с. 140]. Таким образом, де Клавихо подтверждает свидетельства как Шильбергера, так и китайских источников о действиях эмира Тимура, унижающих достоинство китайских послов. «С этих пор [всегда] на всех празднествах и пирах, какие устраивал сеньор (эмир Тимур. – А. К.), их (китайских послов. – А. К.) сажали в таком порядке... А этот сеньор Катая (правитель Китая. – А. К.) называется Чуйскан (Чжу Юаньчжан. – А. К.), что значит император девяти империй... Он владетель обширной земли, и ранее Тамурбек (эмир Тимур. – А. К.) платил ему дань, а теперь не хочет...» [4, с. 110]. Подданные эмира Тимура разделяли отношение своего повелителя к Китаю в лице его посла: «чакатаи (чагатаи – кочевники Мавераннахра. – А. К.) в насмешку называют его Тангус (Донгуз, Донуз), что значит свинья» [3, с. 67].

Интересно отметить, что де Клавихо был свидетелем приема Тимуром китайских послов и осенью 1404 г., поскольку на этой аудиенции «Железный хромец» оказал честь и испанскому посольству. На церемонии присутствовали внуки Тимура – 10-летний Улугбек, а также Ибрахим-Султан и правнук Мухаммед-Джехангир, сын Мухаммед-Султана [7, с. 13].

Подготовка эмира Тимура к походу на Китай

Мирная оседлая жизнь претила Тимуру, покой был не для него. В свои преклонные годы он задумал поход на Китай. Уже в рассказе о событиях 1398 г. говорится о намерении Тимура выступить против Поднебесной и истребить «идолопоклонников». Эмиру Тимуру было известно о притеснениях династией Мин китайских мусульман и враждебном отношении первого

императора этой династии к исламу, что также подогревало его антипатию к этой империи. Те 1200 мусульман из Ганьсу, прибывшие с возвратившимся посольством в Самарканд, были наглядным свидетельством политики китайского императора в отношении единоверцев «Железного хромца». Камнем преткновения в отношениях Тимура с императорами Мин был вопрос о дани, о котором шла речь выше. Можно также предположить, что эмир Тимур имел намерения восстановить власть потомков Чингисхана над Китаем, так как известно о его связях с монгольскими Чингисидами. Сопоставляя сведения монгольских и некоторых мусульманских источников, можно сделать вывод, что при дворе Тимура жил бежавший из Монголии хан Улджэй-Тэмур – потомок правящей в Китае до 1368 г. монгольской династии Юань, павшей под натиском войск основателя династии Мин Чжу Юаньчжана. Вместе с тем ничего неизвестно о намерении эмира Тимура сделать этого Чингисида правителем Китая и низложить династию Мин. Нет сведений и об участии Улджэй-Тэмюра в походе эмира Тимура на Китай. У мусульманского летописца Шереф ад-Дина путешествие к эмиру Тимурю приписывается другому Чингисиду из Монголии, Тайзи-оглану, преемнику Улджэй-Тэмюра, который в 1404 г. был с Тимуром в Самарканде, а в начале 1405 г. – в Отраре, но предназначалась ли ему какая-нибудь роль в китайском походе, можно только предполагать. После смерти Тимура Тайзи-оглан стал приближенным тимуридских эмиров Худайдада и Шейх Нур-ад-Дина. Из политических планов эмира Тимура в связи с его походом на Китай известно только, что он задумал основание новых уделов в своей империи, куда должны были войти все области к востоку от Мавераннахра до границ Китая. До похода на Китай завоевания Тимура были нацелены на западное и южное направления – Ближний и Средний Восток, Восточную Европу, Кавказ, Индию, на востоке только предпринимались набеги на государство Моголистан [8, с. 159–160].

К 1404 г. Тимур поставил под свой контроль государство Моголистан в Семиречье и западной части Восточного Туркестана [9, с. 71]. Таким образом, обширный район Притяньшанья составил стратегический коридор, необходимый Тимурю для прорыва к границам «Срединной империи» – Китая, где тогда правила национальная династия Мин, 36 лет назад свергнувшая монгольскую династию потомков Чингисхана – Юань, господствовавшую на всей территории Китая в 1279–1368 гг.

К этому времени, спустя шесть лет после смерти Чжу Юаньчжана, следовавшей в 1398 г., ситуация в Евразии в целом и в Китае в частности резко изменилась. Китай пережил «смуту», вызванную борьбой внутри правящей династии Мин за «трон Дракона», т. е. за императорский престол, когда в империи Мин вспыхнула широкомасштабная гражданская война, сильно ослабившая ее. «Император катыйский (китайский, т. е. Чжу Юаньчжан. – А. К.) умер и оставил трех сыновей, которым отдал свои земли и владения. Старший из них захотел отнять владения и земли у двух других... Старший потерпел

поражение от того, кто моложе, поджег свой стан и сгорел сам со множеством своих людей, а средний стал сеньором (т. е. владыкой Китая. – А. К.). Восстановив порядок на всей [своей] земле, он отправил тех посланников к Тамурбеку (эмиру Тимуру. – А. К.), чтобы он уплатил ему дань, которую ранее платил его отцу. Этих то посланников Тимур хотел повесить... не знаем, что предпримет сеньор Катая и [как] ответит он на это бесчестие... В этом году (1404. – А. К.), в июне месяце, из Камалека (Пекина. – А. К.) в Самарканде (Самарканд. – А. К.) пришло около восьмисот верблюдов, груженных товарами. Теперь, когда Тамурбек в этот раз возвратился в Самарканде, разгневавшись за то, что ему сказали катаяские послы, он велел задержать этих верблюдов и не отпускать их...» [4, с. 140; 10, с. 14].

Как видно из приведенного выше текста записок испанского посла, сын и наследник Чжу Юаньчжана, третий император династии Мин – Чжу Ди, свергнувший в ходе гражданской войны с минского трона Чжу Юньвэня, своего племянника и сына старшего брата, совершил те же ошибки в отношении владыки Самарканда, что и его отец. Он потребовал от Тимура подтвердить навязываемый ему статус вассала империи Мин. Можно сказать, что своей политикой демонстрации превосходства Китая над другими народами его правители в определенной степени сами спровоцировали поход эмира Тимура на Поднебесную, поскольку владыка большей части Евразии не мог не ответить на брошенный ему вызов.

К началу XV века эмир Самарканда успел покорить всю Западную Азию, разгромив самые могущественные империи Евразии: Делийский тюркский султанат в Индии, Золотую Орду (или Улус Джучи) в Восточной Европе и степях от Иртыша и Тянь-Шаня до Карпат, Египетско-Сирийский султанат черкесских мамлюков, Османскую империю в Малой Азии и на Балканах, которые, особенно турки-османы, во многих аспектах были в военном отношении сильнее минского Китая.

Поход на империю Мин готовился Тимуром с присущей ему тщательностью. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что накануне похода в Самарканде распространялись слухи о том, что «Железный хромец» «находится при смерти». Де Клавихо сообщает, что при этом власти Самарканда побуждали испанское посольство возвращаться на родину, так и не предоставив им перед отъездом аудиенцию у эмира, несмотря на все просьбы испанцев [4, с. 152].

В действительности эмир Тимур в это время готовился к выполнению давно задуманного им грандиозного предприятия – похода на Китай, а слухи о его смерти, скорее всего, распространялись специально с целью дезинформации противника и жертвы предстоящего похода. О плане похода можно судить только по распределению военных сил эмира Тимура. Силы правого крыла его войск находились в районе городов Ташкента и Сайрама, а левое крыло занимало город Ясы (ныне Туркестан). Сам Тимур с центром армии двинулся

к городу Отрару зимой 1405 г., которая выдалась очень холодной. Все переправы через реки Амударью и Сырдарью были покрыты льдом. Несмотря на свои 68 лет, эмир Тимур бодро переносил тяготы зимнего похода и не ожидал близкого конца. В Отраре он принял посла бывшего хана Золотой Орды Тохтамыша и обещал ему, что после похода на Китай, в победе над которым владыка Самарканда не сомневался, войска Тимура вновь совершат поход на Золотую Орду и вернут Тохтамышу трон.

Джунгарские ворота, оазисы Восточного Туркестана стали опорными пунктами Тимура при подготовке похода на Китай. Первоначально в поход против империи Мин предполагалось направить 200 тысяч воинов, но в результате Тимур отправился завоевывать Китай с войском, насчитывавшим 800 тысяч человек. В авангарде, в первом эшелоне, шли 20 тысяч отборных конников, ветеранов – победителей Делийского и Египетско-Сирийского султанатов, Золотой Орды и Османской империи, которым ставилась задача форсированным маршем преодолеть пустыню, отделяющую Восточный Туркестан от Китая [11, с. 70]. Узнав о военных приготовлениях Тимура, минский император Чжу Ди (он же Юнлэ) отдал приказ китайской армии готовиться к отражению возможного нападения на империю. Однако в какой мере она была способна противостоять войску Тимура, так и осталось неизвестным.

Смерть «Железного хромца» и завершение конфликта

Войско эмира Тимура было тщательно подготовлено и выступило в поход против Поднебесной. Однако великий правитель и военачальник умер в феврале 1405 г. в городе Отраре, оставив в наследство своим потомкам огромную империю. Реванш за поражение потомков Чингисхана, свергнутых в Китае в 1368 г., не состоялся, наследники Тимура отменили поход. План похода на Китай был оставлен тотчас после смерти Тимура, китайские послы были отпущены и вернулись домой в 1407 г., с ними прибыл посол преемника эмира Тимура на троне правителя Самарканда Халиль-Султана, которого звали Худайдад.

Однако страх перед империей Тимуридов, который нагнал на правителей Китая «Железный хромец», сохранялся и после его смерти. Несмотря на то что Тимур двинулся в поход на Поднебесную и был врагом Китая, он был великим правителем, и после его смерти власти Китая совершили по нему обряд поминовения. В Самарканд в 1408 г. было отправлено посольство во главе с известным Ань Чжидао, пережившим в свое время плен у Тимура, с богатыми дарами – шелком и серебром. Подарки были переданы семье Тимура и Шахруху, его сыну, к этому времени наследовавшему трон империи Тимуридов, в знак соболезнования. В «Истории династии Мин» сообщается, что совершить обряд жертвоприношения в память умершего государя было поручено китайскому чиновнику Боаэрсиньтао [2, р. 262]. Проведению

поминального обряда китайская сторона придавала настолько большое политическое значение, что был проигнорирован факт, что эмир Тимур умер, успев выступить в поход против минских правителей. Для них важнее было установить мирные отношения с его наследниками и выйти из конфликтной ситуации, грозящей крахом китайской имперской государственности. С наследниками Тимура империи Мин удалось установить по сути равноправные отношения, что для традиционных правителей Китая было сопряжено с немалыми психологическими трудностями. Шахрух, сын и преемник эмира Тимура, прекратил завоевательные войны против других стран, и даже официальное обращение Чжу Ди – императора китайской династии Мин к нему как к своему вассалу, что китайские правители веками практиковали по отношению к другим странам и народам, не вызвало никакой протестной реакции у Шахруха. Хотя в свое время подобное обращение к его отцу и послужило толчком для похода Тимура на минский Китай, и только смерть последнего спасла тогда Поднебесную. Вместе с тем было бы неправильно думать, что потомки эмира Тимура считали себя данниками и вассалами минских императоров. Так, в 1418 г. Тимурид Шахрух дружески и почти по-родственному посоветовал императору Чжу Ди принять ислам, поскольку, по его мнению, уважающий себя монарх не может не быть мусульманином [5, р. 311], в чем выразилось его отношение к правящей в Китае династии. Следует отметить, что в те времена жители Мавераннахра и Восточного Туркестана считали китайскую культуру достаточно развитой, но ниже собственной, хотя китайцам это было неизвестно [5, р. 218].

Заключение

В заключение хотелось бы вновь обратиться к эпохальной фигуре эмира Тимура, олицетворяющего великого воина и завоевателя, вписавшего немало кровавых страниц в историю множества стран Евразии. Споры вокруг этой неоднозначной исторической личности по-прежнему не утихают. Его военные подвиги поражают воображение многих, есть даже попытки его всемерно возвеличить и канонизировать, прежде всего в современном Узбекистане. Сегодня эмир Тимур провозглашен в Узбекистане идеологическим и историко-культурным символом нации, а узбекский народ – наследником империи Тимуридов с претензией на ведущую роль в Центральной Азии, что нашло отражение в лозунге нынешнего руководства этой страны: «Узбекистон кележага буюк давлят!» – «Узбекистан будет великой страной!». Хотя вряд ли правомерно с научной точки зрения считать эмира Тимура узбеком, так как в его время узбеки еще не сложились как этнос, их этногенез завершился уже в советскую эпоху, в XX веке. Более того, именно в результате нашествия кочевых узбеков хана Мухаммада Шейбани в конце XV в. на Среднюю Азию прекратили существование, уже в эпоху правления правнуков Тимура, остатки его некогда великой империи.

Литература

1. Чжан Тинъюй. *Мин ши: эр-ши-сы-ши = История династии Мин: 24 династийные истории*. Шанхай; 1958. (На кит. яз.)
2. Bretschneider E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic sources. Fragments Towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*. Vol. 1–2. London: Trübner & CO, Ludgate Hill.; 1888.
3. Бартольд В. В. Улугбек и его время. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 2, ч. 2. М.: Наука; 1964. С. 23–196.
4. Клавихо Р. Г. де. *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406)*. М.: Наука; 1990. 211 с. Режим доступа: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/3181/4379_1_o.pdf
5. Fletcher J. F. China and Central Asia, 1368–1844. In: Fairbank J. K. (ed.) *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1968. P. 206–224.
6. Шильтбергер И. *Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год*. Баку: Элм; 1984. 86 с.
7. Ахмедов Б. А. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра. XV в. В: Арендс А. К. (ред.) *Из истории эпохи Улугбека*. Ташкент: Фан; 1965. С. 5–66.
8. Бартольд В. В. Тимур и Тимуриды. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 2, ч. 1. М.: Наука; 1963. С. 157–162.
9. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 2, ч. 1. М.: Наука; 1963. С. 23–108.
10. Бокшанин А. А. *Императорский Китай в начале XV века*. М.: Наука; 1976. 323 с.
11. Зотов О. В. *Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения*. М.: Наука; 1991. 168 с.

References

1. Zhang Ting-Yu. *Ming shi. Ershi sishi*. Шанхай; 1958. (In Chinese)
2. Bretschneider E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic sources. Fragments Towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*. Vol. 1–2. London: Trübner & CO, Ludgate Hill.; 1888.
3. Barthold W. W. Ulughbek and his tim.. In: Barthold W. W. *Collected Works*. Vol. 2, part 2. Moscow: Nauka; 1964, pp. 23–196. (In Russ.)
4. Ruy Gonzáles de Clavijo. A diary of journey to Samarqand to the Court of Timur (1403–1406). Moscow: Nauka; 1990. Available at: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/3181/4379_1_o.pdf (In Russ.)
5. Fletcher J. F. China and Central Asia, 1368–1844. In: Fairbank J. K. (ed.) *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1968, pp. 206–224.
6. Shiltberger I. Travels in Europe, Asia and Africa from 1394 to 1427. Baku: Elm; 1984. (In Russ.)
7. Akhmedov B. A. Ulughbek and political life in Mavarannahr of the 15th cent. In: Arends A. K. (ed.) *Accounts from the History of Ulughbek*. Tashkent: Fan; 1965, pp. 5–66. (In Russ.)
8. Barthold W. W. Timur and the Timurids. In: Barthold W. W. *Collected Works*. Vol. 2, part 1. Moscow: Nauka; 1963, pp. 157–162. (In Russ.)

9. Barthold W. W. An essay on the History of Semirechye. In: Barthold W. W. *Collected Works*. Vol. 2, part 1. Moscow: Nauka; 1963, pp. 23–108. (In Russ.)

10. Bokshchanin A. A. *Imperial China at the beginning of the 15th cent.* Moscow: Nauka; 1976. (In Russ.)

11. Zotov O. V. *China and the Eastern Turkestan in the 15th–18th cent. International relations.* Moscow: Nauka; 1991. (In Russ.)

Информация об авторе

Кадырбаев Александр Шайдатович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения РАН; профессор кафедры стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23 октября 2018 г.

Одобрена рецензентами: 23 ноября 2018 г.

Принята к публикации: 3 декабря 2018 г.

Information about the author

Alexander Sh. Kadyrbayev, Ph. D habil. (Hist.), Professor, Leading Research Fellow at the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, Department of Central Asia and Caucasus, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Received: October 23, 2018

Reviewed: November 23, 2018

Accepted: December 3, 2018